

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Фольклор и этнография в русской романтической прозе
(О. М. Сомов, А. А. Бестужев-Марлинский)**

название темы выпускной квалификационной работы полужирным шрифтом

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

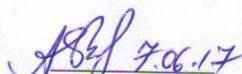
Студента(ки) 5 курса 513 группы
направления 43.03.01 – Педагогическое образование
(филологическое)

код и наименование направления (специальности)

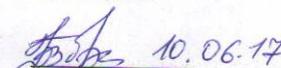
Института филологии и журналистики

Пархоменко Анны Алексеевны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
проф., д.ф.н, доцент
должность, уч. степень, уч. звание
Зав. кафедрой
зав. кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

А.Л.Фокеев
инициалы, фамилия

подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2017 год

Введение. Зарождение русской романтической прозы обычно относят к концу XVIII века. В этот период сентиментализм подготовил почву для становления романтизма, в котором на первый план выходила идея значимости и ценности отдельной человеческой личности, повышенное внимание к психологии индивидуума, миру его души.

Для писателей – романтиков характерно стремление отойти от не удовлетворяющей их действительности, ускорив её развитие, или, наоборот, вернуться к прошлому, приблизить в образах желаемое или отбросить неприемлемое в ней ¹.

В романтической критике первой трети XIX века, в литературной практике писателей-романтиков особое внимание уделялось использованию устного народного творчества. В повестях В. Кюхельбекера, в ранней прозе А. Бестужева-Марлинского обращение к народному творчеству носит еще случайный характер, используются только фольклорные формы. Во второй половине 20-х годов возникает интерес к содержательно-эстетической стороне фольклора, к воссозданию национальной стихии². В ряде случаев фольклор становится основой поэтики романтической повести, что приводит к выделению особой разновидности — в фантастической повести.

Исследователь Вячеслав Адрианович Грихин отмечает, что «в рамках русской романтической прозы первой трети XIX века можно выделить: историческую, фантастическую, светскую и нравоописательную повести»³.

Как видим, спектр произведений писателей-романтиков весьма широк. В дальнейшем в нашей выпускной квалификационной работе мы ограничимся рассмотрением лишь исторической и фантастической повестей, обратившись к произведениям А.Бестужева-Марлинского и О.Сомова.

---

¹ См.: Елисеев, И.А., Полякова, Л.Г. Словарь литературоведческих терминов/И.А. Елисеев, Л.Г. Полякова. Ростов-на-Дону, 2002. С. 188.

² См.: Фокеев, А.Л. Этнографическое направление в русской литературе XIX века: истоки, тенденции, типология/А.Л. Фокеев. М., 2002. С. 40.

³ Грихин, В.А. Русская романтическая повесть/В.А. Грихин // Русская романтическая повесть. М., 1983. С. 8.

Следует отметить, что расцвет русской романтической прозы падает на 1820-30-е годы. Он связан с именами Ф. Глинки, А. Погорельского, М. Погодина, В. Одоевского, Н. Полевого, М. Загоскина, А. Вельтмана, с романтической прозой декабристов.

Проблемы романтизма исследовались достаточно полно в современном литературоведении. Известны фундаментальные работы Г.А.Гуковского, Б.С.Мейлаха, Е.А. Маймина, Н.А. Гуляева, Ю.В.Манна.⁴

В них многогранно освещаются вопросы становления, развития и поэтики русского романтизма, его типологические свойства.

Литературно-критическое наследие декабристов, в том числе О.Сомова и А.Бестужева-Марлинского, рассматривается отечественными учёными В.Г.Базановым, В.Н.Орловым, Ю.Н.Тыняновым, Н.И.Мордовченко, А.П.Шурупич и др.⁵

Отдельные аспекты романтической повести исследуются в монографиях «Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра» и «Эстетика русской романтической повести».⁶

Научных работ, посвящённых творчеству А.Бестужева-Марлинского и О.Сомова, мало. Среди них можно назвать работу М.В.Нечкиной «Движение декабристов», вступительные статьи к изданию текстов писателей В.А.Грихина и Н.Н.Петруниной.⁷

---

⁴ Маймин, Е.А. О русском романтизме/ Е.А. Маймин. М., 1975; Гуковский, Г.А. Пушкин и русские романтики/Г.А. Гуковский. М., 1965; Мейлах, Б.С. Пушкин и русский романтизм/Б.С. Мейлах. М.-Л., 1937; Манн, Ю.В. Поэтика русского романтизма/Ю.В. Манн. М., 1976.; Гуляев, Н.А. Русский романтизм/Н.А. Гуляев. М., 1974.

⁵См.: Базанов, В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия/В.Г. Базанов. М.-Л., 1961.; Мордовченко, Н.И. Русская критика первой четверти XIX века/Н.И. Мордовченко. М.-Л., 1959; Шурупич, А.П. Декабрист Александр Бестужев. Вопросы мировоззрения и творчества/А.П. Шурупич. Минск, 1962.

⁶ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973.; Какунова, Ф.З. Эстетика русской романтической повести/ Ф.З. Какунова. Томск, 1973.

⁷ Нечкина, М.В. Движение декабристов. :В 2Т. /М.В. Нечкина. М., 1955; Грихин, В.А. Русская романтическая повесть первой трети XIX века/В.А. Грихин // Русская романтическая повесть. М., 1983; Петрунина, Н.Н. Орест Сомов и его проза/Н.Н. Петрунина // Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984.

Вопросы этнографизма и фольклоризма писателей-романтиков исследуются в коллективной монографии «Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века»⁸ и работе А.Л.Фокеева «Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология».⁹

Как видно из обзора, специальных научных публикаций по исследуемой нами проблеме нет.

Отсюда вытекает актуальность и новизна работы. **Объект** нашего исследования – повести О.Сомова и А.Бестужева. **Предмет исследования** – фольклор и этнография в их произведениях. **Цель работы:** показать фольклорно-этнографическую наполняемость русской романтической прозы начала XIX века.

Задачи выпускной квалификационной работы:

1. Рассмотреть истоки русской романтической прозы (Н.М.Карамзин, В.А.Жуковский).
2. Выявить специфику романтических повестей А.Бестужева-Марлинского.
3. Исследовать фольклорно-этнографические элементы в творчестве О.Сомова.
4. Дать методические рекомендации по изучению романтических произведений Н.В. Гоголя в средней школы.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

---

⁸ Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976.

⁹ Фокеев, А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типологии/А.Л.Фокеев. М., 2002.

Основное содержание работы. В первой главе мы рассматриваем творчество А.А. Бестужева-Марлинского. Александр Александрович Бестужев (1797—1837гг.), прозаик-романтик, был известен всей читающей России под псевдонимом Марлинский. По свидетельству современников, именно молодое поколение читателей более всех любило и читало бестужевские повести. Имя его в 30-е годы XIX века было окружено легендами. Даже сама гибель Бестужева в отчаянной рукопашной схватке с горцами на Кавказе у мыса Адлер породила новые слухи и предположения — так привлекательна была эта сильная, самобытная и непосредственная натура, ставшая живым символом романтизма.

В повести «Роман и Ольга» (1823 г.) писатель раскрывает события далекого прошлого, борьбу Москвы с вольным городом Новгородом. Писатель исторически точен в изображении фактов истории, обычаев тех лет и деталей обстановки. Сюжет повести строится на перипетиях любовной истории дочери новгородского купца Симеона Воеслава с боярским сыном Романом Ясенским. Отец Ольги всячески препятствует счастью молодых людей. Возлюбленные поначалу решаются на побег и тайное венчание, но думы о судьбе родного города останавливают Романа. Теперь он предстает перед читателями уже не как герой-любовник, а как гражданин, готовый пожертвовать своим личным счастьем ради свободы Новгорода.

Форма исторической стилизации, выбранная для повествования, наполняется фольклорно-этнографическими деталями.

В повести автор изображает праздничный день в Новгороде: вино течёт рекою, Роман поёт русские песни под живые струны гуслей. Бестужев воспроизводит одежду воинов, выступающих на празднике: золотые шпоры и наشلёпки, страусовые перья, опущенные забрала.

Изображая кулачные бои, писатель замечает: «борьба - любимая забава племён славянских... громко вызывают поединщики друг друга; двое первых бойцов выходят на середину, сбрасывают с себя кушаки, цветные кафтаны и с правых рук рукавицы, обнажают их до локтя. В двух шагах друг

от друга колеблются они, склоняясь наперёд всем телом... Но вот и обе стены сошлись, схватились, смешались, воздух стонет от кликов, удары дождят...»¹⁰.

Эпиграфы к отдельным главам носят также фольклорный характер: «Ах ты, душечка, красна девица, не сиди в ночь до бела света...». Или: «Под звёздным небом терем мой, и первый друг мой - мрак ночной». А также использует писатель и пословицы: «крепка тюрьма, но кто ей рад».

Другой повестью Бестужева, где фольклорный и этнографический материал представлен достаточно широко, является повесть «Страшное гаданье» (1831 г.). В ней автор подробно останавливается на самом процессе гаданий с подблюдными песнями, воловой шкурой и т.п.

Как отмечают современные исследователи, ««Страшное гаданье» - произведение сложной жанровой структуры, где сама категория фантастического как бы существует в нескольких измерениях: здесь и взгляд на фантастические поверья, и народные предания как бы со стороны (таково первоначальное отношение к гаданию героя, образованного офицера, дворянина), и наивное восприятие «страшного, таинственного» народным сознанием (сцена посиделок), и иллюзия реальности «страшного гадания», вмешательство дьявола, толкающего героя на преступление, и возвращение к теме вещего, пророческого сна, открывшего герою греховный смысл его стремлений»¹¹.

Сюжет повести строится на рассказе офицера о его «роковой», «безумной» любви. Автор дает в повести с этнографической точностью описания крестьянских посиделок, изображая наряды девушек в «кокошниках, повязках разноцветных, в длинные косы их вплетены треугольные подкосники с подвесками или златошейными лентами»; и одежду молодцев в «пестрядиновых и ситцевых рубашках, с косыми галунными воротниками в суконных кафтанах, бренчащих на балалайке «Из-

---

¹⁰ Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). М., 1983. С. 85.

¹¹ Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976. С. 137.

под дуба, из-под вяза»¹². Подробно описывает Бесстужев гадания с петухом, «пущенным по кругу, с кучками овса и ячменя, зарытыми в них кольцами, с подблюдными песнями»¹³.

Следует отметить, что в начале повести фольклор дан через восприятие героя и даже несколько «отстранён» от него. Рассказчик замечает: «Я не думал дослушивать бесконечных и неминуемых заветов подблюдных, сердце моё было далеко»¹⁴. Фантастический элемент повести усиливается вставными эпизодами народных поверий. В них отражаются страхи крестьян перед неведомым: «Ведь канун-то Нового года чертям сенокос. Теперь чертям скоро заговенье: из когтей друг у друга добычу рвут: чёрный ангел, или, по-книжному, так сказать, Ефиоп, завсегда у каждого человека за левым плечом стоит, да несмигнувши сторожит, как бы натолкнуть на грех»¹⁵.

В фольклорной традиции писатель дает и образ колдуна: «Начал входить по съезду... Тяжко скрипели брёвна под ногами оборотня; собака с визгом залезла в сених под корыто, и все слышали, как упала рука его на щеколду. Вот грянул он в ворота, и дубовый запор, как соль, рассыпался»¹⁶. Оборотень «сунулся было в окошко, да, на счастье, косяки были святой водой окроплены, так его словно огнём обдало; взвыл, да назад кинулся»¹⁷.

Далее Бестужев вовлекает в мир народной демонологии героя-офицера: в повествовании появляется дьявол, толкающий его на преступление, показывается иллюзорность всего происходящего, когда офицер падает с саней прямо в свежевырытую могилу, его вещий сон: «Я упал на дно. Вслед за мной падали глыбы земли и снегу, заваливая, задушая нас; сердце моё замлело, в ушах гремело и звучало. Ужасающий свист и

---

¹² Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). М., 1983. С. 85.

¹³ Там же. С. 124.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 125-126.

¹⁶ Там же. С. 126.

¹⁷ Там же. С. 127.

завывания мне слышались; что-то тяжкое, косматое давило грудь, врывалось в губы... Где я? Что со мной? Холодный пот катился по лицу, все жилки трепетали от ужаса и усилия. Озираюсь, припоминается минувшее. Медленно возвращаются ко мне чувства. Мало-помалу я уверился, что всё, виденное мною, только сон, страшный, зловещий сон»¹⁸.

Как видим, в рассказе устное народное творчество, подробные этнографические описания вписываются в сюжет и играют в нем значительную роль.

Вторая глава работы посвящена творчеству О.Сомова. Органическое слияние народного творчества, поверий, легенд с художественно-образной и сюжетно-композиционной структурой литературного произведения нашло отражение и в произведениях Сомова. Он вошёл в историю русской культуры как журналист, теоретик, фольклорист и писатель, внесший существенный вклад в развитие отечественной прозы. Взгляды Сомова-теоретика литературы отражены в его трактате «О романтической поэзии» (1823 г.). В нем писатель первым среди декабристов поставил проблему создания русской национальной литературы. Важнейшей мыслью статьи является «намерение автора показать, что народу русскому, славному воинскими и гражданскими добродетелями,... необходимо иметь свою народную поэзию, не подражательную и независимую от преданий чуждых»¹⁹.

Сомов в своих произведениях обычно использовал собственные фольклорные записи и нередко обращался к сборникам И.Сахарова и И.Снегирева. Но не только образцами народной демонологии интересны его повести. В них писатель отражает и особенности крестьянского сознания и восприятия жизни.

---

¹⁸ Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). М., 1983 С. 141.

¹⁹ Сомов О.М. О романтической поэзии/О.М. Сомов. // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 272.

Фольклор по-разному входит в его творчество.

Повесть «Русалка» рассказывает о трагической любви деревенской девушки Горпинки к пану Казимиру Чепке. Он губит девушку, и она превращается в русалку. Однако старый колдун оживляет ее, правда, ненадолго. Затем девушка снова исчезает. Сюжет основан на народных поверьях о русалках. Позднее к этому материалу русской демонологии обратились В.И. Даль и С.В. Максимов.

В своих описаниях Сомов не просто использует древние поверья, но и создаёт свой мир, основанный на мифах и авторском вымысле. Можно считать его повесть своеобразной обработкой фольклорных поверий.

Старинные народные предания трансформируются в литературном произведении в художественную повесть, которую можно определить как фольклорно-фантастическую.

Народные предания лежат и в основе повести «Оборотень» (1829). По жанру это народная сказка. В ней более выражены представления автора о быте крестьян. Сомов включает фольклор в повседневную крестьянскую жизнь.

Старик Ермолай оказывается оборотнем. В его образе жизни и поведении чувствуется что-то необычное. Но Сомов лишает оборотня таинственного ореола, тем самым снижая его образ.

С иронией создает автор и образ «нового оборотня», приёмного сына Ермолая – Артёма. Его появление в деревне в волчьей шкуре напоминает фольклорную народную сцену, разыгрываемую крестьянами. Превращаясь в волка, он хохочет над своим волчьим обликом.

В рассказе «Кикимора» есть подзаголовок: «рассказ русского крестьянина на большой дороге». Крестьянин-ямщик рассказывает историю «про кикимору», соответствующую народным демонологическим представлениям.

В творчестве Сомова выявляется многообразие фольклорно-этнографического материала. «В литературном наследии писателя могут

быть выявлены два типа повестей: фольклорно-фантастическая, с элементами этнографии, в основе которой лежит украинский фольклор («Русалка», «Киевские ведьмы», «Купалов вечер») и бытовая «русская повесть» с элементами фольклора и этнографии («Оборотень», «Кикимора»), тяготеющие к бытописанию»²⁰.

Малороссийские «были и небылицы» О.Сомова предваряют «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя и, можно предположить, что определенным образом влияют на них.

В третьей, методической главе, в связи с тем, что творчество А.А. Бестужева-Марлинского и О.М. Сомова в современной школе изучается лишь факультативно (по желанию учителя), мы обращаемся к вопросам изучения романтических произведений Н.В.Гоголя.

Заключение. Проведённое исследование позволяет отметить, что в литературе романтизма фольклор и этнография, в силу сложившихся исторических особенностей эпохи, заняли существенное место, более широко включаясь в русскую повесть всех её разновидностей, что свидетельствует о присущих ей фольклорно-этнографических тенденциях.

Теоретико-эстетические концепции романтиков, их стремление к созданию самобытной национальной литературы, отражающей дух народа, приближало в русской критике рассмотрение проблемы народности литературы и позволило в определённых исторических условиях опереться на народное творчество, его содержательные и эстетические ценности. Фольклор и этнография становятся бытописанием народной жизни.

Русская романтическая повесть первой трети XIX века представляла собой явление многоплановое как по содержанию, так и по стилю. Обращение русских писателей к прозе, и в частности к жанру повести, определялось настоящей потребностью самой эпохи,

---

²⁰ Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология/А.Л. Фокеев. М., 2002. С. 64.

поступательным движением русской литературы. В.Г.Белинский отмечал, что возникновением повести наша литература обязана «не столько духу подражательности, сколько потребности», «в наше время и сам Ювенал писал бы не сатиры, а повести, ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени».

Развитие русской романтической прозы первой трети XIX века, деятельность писателей-романтиков А.Бестужева-Марлинского и О.Сомова значительно обогатила содержание художественной литературы и способствовало рождению и становлению русского классического реализма. Заметно расширился круг проблем и явлений действительности, ставших предметом художественного освещения, а сами исторические и социальные факторы все чаще стали соотноситься с характером и поступками героев.

Фольклорно - этнографические тенденции характерны для литературного процесса романтизма, всех его течений и временных периодов. Однако идейно-художественная интерпретация фольклорно-этнографических материалов зависит от эстетической природы романтического искусства, специфики его течений, жанрового своеобразия и определяется эстетическими концепциями романтического направления. Романтики стремились воплотить в своих произведениях фольклорные поэтические формы, обратиться к содержательно-эстетической стороне фольклора. Из элемента образной системы произведения фольклора превращались в основу поэтики романтических жанров, способствуя появлению новых жанровых разновидностей.

Следует отметить, что традиции писателей-романтиков в использовании фольклора и этнографии творчески переосмыслили русские писатели середины XIX века. Они ещё более подробно углубились во внутренний мир личности, в духовную жизнь народа. В их произведениях ещё более гармонично отразилось слияние с поэтической стихией народного творчества. Именно народные начала явились исключительным фактором, определяющим в некоторой степени пути развития русской литературы

второй половины XIX века. Фольклор и этнография в литературном процессе становятся тем явлением, которое определяет эстетический характер многих художественных произведений последующего времени.

